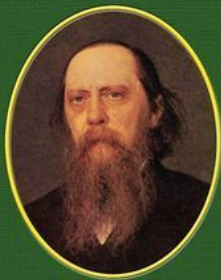

Михаил
Салтыков-Щедрин

Сочинения

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Бродящие силы

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3133305

Аннотация

Рецензия на «Бродящие силы» Авенариуса – первое литературно-критическое выступление Салтыкова в «Отечественных записках» Некрасова. Салтыкова – литературного критика и рецензента – в первую очередь интересовали произведения, которые следовало подвергнуть сатирическому осмеянию: плоды так называемого «антинигилистического» направления. И первая рецензия Салтыкова в «Отечественных записках», в которой в качестве объекта осмеяния и пародирования были избраны повести Авенариуса, показывает, что именно таково было его намерение. Однако собственно антинигилистической тенденции писаний Авенариуса – попытки связать «поветрие» аморализма, половой распущенности с революционными идеями – Салтыков в своей рецензии не касается. Он просто указывает, что, как мыслитель, Авенариус «принадлежит к партии так называемых клубницистов, нередко, впрочем, именующих себя столпами и консерваторами». Этой рецензией Салтыков начинает анализ «клубницизма» как общественного явления.

Содержание

Примечания
Комментарии

13

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Бродящие силы

Две повести В. П. Авенариуса. I. Современная идиллия. II. Поветрие. СПб. 1867

Господин Авенариус писатель молодой,^[1] но положительно ничего не обещающий в будущем. Клубничизм новейшего времени взрастил два цветка на своей почве: гг. Стебницкого^[2] и Авенариуса; но если первый из них веселит глаза радужными колоритами и утешает обоняние пряными запахами, то последний, напротив того, поражает вялостью и линочестью колоритов; благоуханий же решительно никаких: ни приятных, ни неприятных, не испускает. Даже в тех литературных закоулках, где он привитает, г. Авенариус, по-видимому, не пользуется особенным авторитетом, и сам г. Стебницкий, который, по всей справедливости, считается его духовным родителем, отзывается об нем с снисходительностью более нежели иронической.^[3]

В самом деле, писать так, как пишет г. Авенариус, доступно решительно всякому. Даже в знаках препинания нет надобности, потому что они только препятствуют текучести наблюдения. Чтобы написать повесть, роман, комедию, драму вроде «Поветрия», нужно только сесть у окошка и при-

стально глядеть на улицу. Прошел по улице фронт в клетчатых штанах – записать; за ним прошла девица с стриженными волосами – записать; а если она при этом приподняла платье и показала ногу – записать дважды; потом проехал извозчик и крикнул на лошадь: «Эх ты, старая!» – записать. Посидевши таким образом у окна суток с двое, можно набрать такое множество наблюдений самых разнообразных, что затем остается только бежать в типографию и просить метранпажа привести их в порядок. Метранпаж исполнит это с удовольствием и даже, для клейкости, подбавит разных Моничек, Наденок, Ластовых, Куницыных и проч.^[4] Ни складу, ни связи, конечно, от этого не прибудет, но печатной бумаги выйдет тук преизрядный.

Разверните книжку г. Авенариуса, возьмите на себя нестерпимый труд прочитать ее – и вы убедитесь в истине сказанного выше, как оно ни представляется маловероятным. Это какая-то неслыханная агломерация слов, тянущихся, как канитель, одно за другим, без всякой иной связи, кроме метранпажной, и если можно тут чему-нибудь удивляться, то именно искусству, с которым автор умел к этим бессодержательным словам приурочить своих Наденок и Моничек.

Вообще, новую нашу литературу упрекают в недостатке творчества,^[5] в неумении группировать и в дагерротипичности ее отношений к действительности – в этом упреке, несомненно, есть значительная доля правды; но про г. Авенари-

уса и того нельзя сказать: если у него и был дагерротипный снаряд, то снаряд этот был наверное испорченный, способный изображать не облик человеческий, но носы, рты, брови, ресницы и т. д. вразброс и без всякой связи.

Решительно нельзя понять, каким образом при таких небольших творческих силах может выйти печатная книга в 452 страницы. Правда, что новейшая французская литература представляет немало образчиков такого рода подвигов; но у французов, по крайней мере, вы встречаетесь с обилием происшествий, одно другого чуднее, одно другого невероятнее. Убийца оказывается спасителем, прелюбодей – евнухом, нищий – миллионером, беременная женщина – невинною, вот как, например, у г. Крестовского.^[6] На людей простосердечных это действует без промаха. У г. Авенариуса нет данных даже для этой чисто внешней занимательности. Происшествия, которые он рассказывает, или, лучше, размазывает в своем сочинении, суть происшествия самые несложные, даже почти глупые. Это просто обыденные физические отправления, которым подвержен всякий человек, независимо от его внутренних определений, и которые повторяются с однообразием, могущим составлять предмет наблюдения для физиолога, но никак не для романиста.

Г-н Погодин в своем «Путешествии за границей»^[7] представил некогда незабвенные образцы этого рода отношений к действительности. Он также ничего не призывал и не отыскивал, он также пел лишь то, что попадалось ему на глаза.

Но он был добросовестен; он не мнил себя художником; он не придумывал ни Моничек, ни Наденок для придания своему рассказу клейкости; он просто снабжал себя по всем гостиницам преёскурантами, разъяснял их и разнообразил эти разъяснения воспоминаниями о разговорах с содержателями отелей. А так как отелей было много, преёскурантов много, разговоров о преёскурантах тоже много, то и вышла книга объемистая. Все это понятно и резонно. Но ухитриться, подобно г. Авенариусу, об одном и том же преёскуранте написать около 500 страниц – это такой *tour de force*¹, которого ни понять, ни объяснить невозможно.

Если мы захотим быть краткими, если мы пожелаем в одном фокусе увидеть тот творческий бюджет, которым располагает г. Авенариус, то бюджет этот несомненно весь выразится в следующей примерной повести.

Сказание о клубнике^[8]

I

18** г. в жаркий июньский день, в одной из гостиниц, расположенных на берегу бирюзовой Аар, NN (герой романа) встал особенно рано, потому что его побуждала к тому естественная

¹ ловкий трюк

надобность. Возвращаясь оттуда по коридору, он увидел приветливое личико Мари и ущипнул ее за щечку. После этого он надел на себя сюртук, как вдруг заметил, что на нем еще нет штанов. «Ах, какой я рассеянный!» – сказал он и, скинув сюртук, начал одеваться как следует. Потом пошел в общий зал, где уже сидели Наденька и Моничка, и спросил себе блюдо клубники. Поевши клубники, он вступил с Наденькой в разговор о различных физиологических отправлениях, причем хотя и не желал касаться актов, предшествующих деторождению, но Наденька его к тому вынудила, сказав, что она студентка и небезызвестна о сем. После того обедали и пили кофе, по исполнению же сего, целый вечер говорили о деторождении и легли спать каждый в своем особливом номере, хотя каждый же при этом не мог не помыслить: «Ах! отчего не спим мы вместе!»

II

На другой день утром NN встал еще раньше вчерашнего и вновь ущипнул Мари. Потом пошел на террасу и увидел, что Наденька с Моничкой уже едят клубнику. «Я не могла целую ночь сомкнуть глаза, потому что вчерашний разговор о процессе деторождения...» – сказала милая Наденька и вдруг задумалась.

– Эх, вы! с вами и разговора-то порядочного нельзя иметь – сейчас и раскисли! – отвечал NN и, плюнув,

удалился. Весь этот день он был мрачен, ибо боль в желудке не давала ему покоя.

III

На третий день утром NN встал еще раньше и понял, что разговоры о процессе деторождения и на него действовали губительно. Он вышел в сад и встретил там Наденьку.

– Я вас люблю, – сказала Наденька, – но должна вам признаться, что у меня... – Тут она произнесла такой медицинский термин, что как ни был NN беззастенчив относительно женских немощей, но и его ожгло. Стремглав бросился он от нее, и вдруг... Через несколько минут отчаянные крики послышались по направлению к Аар. В это время NN пил кофе и бранил учтивого кельнера за то, что ему подали мало сливок. Услышав крик, он бросился к реке, но уже было поздно. Тело Наденьки бездыханное лежало на берегу, окруженное родными и знакомыми, причем сорочка спустилась с ее девственной груди. Тут понял дурак NN, как много любила его Наденька, тут только заметил он, какая прекрасная была у нее грудь.

Конец

Смеем уверить читателя, что роман этот, хотя и поражающий своей простотой, не только не хуже романа г. Авенариуса, но даже значительно лучше, потому что доктор Хан^[9] за наш роман, по расчету, много-много заплатил бы двадцать

копеек, а за произведения г. Авенариуса, вероятно, уплачивает целые уймы денег.

Но ежели г. Авенариус слаб как художник, то, быть может, он велик как философ и общественный физиолог? Увы! как мыслитель он принадлежит к партии так называемых клубницистов, нередко, впрочем, именующих себя столпами и консерваторами. Но даже и в этой нетрудной сфере он умудрился явиться клубницистом не первой, но лишь второй руки. Половые отношения, которые у него всегда на первом плане, выражаются до такой степени голо и незамысловато, что рассказ об них возбуждает в читателе не игривость в мыслях, а отвращение. В самом деле, можно ли назвать как-ким-нибудь именем, например, следующую сцену. Молодой негодяй лежит больной в постели, около него влюбленная в него девушка. Негодяй хвастается и рассказывает, как хорош и грандиозен Париж.

«— Там, — говорит он, — все в колоссальных размерах: лежит, например, грудa не грудa — целая гора брелокoв для часов, микроскопических каких-нибудь биноклей, а посмотрите в такой бинокль, увидите прелюбопытную фотографию. Вот и у моих часов, как видите, привешена такая штучка.

— Можно взглянуть?

— Да вы, пожалуй, рассердитесь.

— Там что-нибудь нехорошее?

— Напротив, очень хорошее; а впрочем — как знаете.

Моничка отцепила часы от жилетки молодого

денди и поднесла привешенную к цепочке крошечную зрительную трубку к глазу.

– Ах, какой вы! – пролепетала она, вспыхнув и быстро опуская часы с замечательным брелоком.

– Ха, ха, ха! – смеялся правовед, – что же в этом дурного? ведь и себя же вы видите иногда в подобном туалете. Никто не рождается на свет в платьях.

Опустив личико, чтобы не рассмеяться, Моничка вложила часы обратно в жилетку их владельца и, закусив губы, принялась вновь с усердием прикладывать лед к руке его».

А вот и еще сцена. Молодые люди объяснились в любви и начинают сознаваться друг перед другом в своих недостатках.

«– Ну, да это еще ничего (сказала Лиза), вот у меня недостаток... Ты ведь знаешь, что я пью здесь сыворотки?

– Знаю.

– Но знаешь ли, против чего?

Не хуже медика начала она рассказывать ему о своей болезни.

Его передернуло: он, казалось, не ожидал от нее такой наивной беззастенчивости.

– Вот доктора и посоветовали мне поскорее выйти замуж...

Змеин не вытерпел и грубо оттолкнул от себя ее руку, упиравшуюся на него.

– Какие речи!.. Вот плоды вашей прославленной

эмансипации! Догадался я, чего тебе недостает: женственности, женственности нет в тебе! Дурак я, болваниссимум!

Лиза также взволновалась.

– Позвольте узнать, Александр Александрович, за что вы назвали себя дураком? Не за то ли, что приняли мою руку?

– За то, душа моя, за то!»

Неужели же это не геркулесовы столпы пошлости и аляповатейшего клубницизма?

Примечания

ОЗ, 1868, № 4, отд. «Новые книги», стр. 208–213 (вып. в свет – 10 апреля). Без подписи. Авторство указано В. Е. Евгеньевым-Максимовым на основании письма Салтыкова к Некрасову от 21 марта 1868 г. («Печать и революция», 1927, № 4, стр. 53). Перепечатано впервые в книге *В. Е. Евгеньев-Максимов и Д. Максимов. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы, Л. 1930*, стр. 42–47.

Рецензия на «Бродящие силы» Авенариуса – первое литературно-критическое выступление Салтыкова в «Отечественных записках» Некрасова. Рецензия была написана еще во время службы писателя в Рязани и выслана в Петербург 21 марта 1868 г. (см. письмо Салтыкова к Некрасову от указанного числа – т. 18 наст. изд.).

Девятого января 1868 г. Салтыков писал Некрасову из Рязани: «Я охотно взял бы на себя разбор книг, но не знаю, что разбирать. Подожду романов Стебницкого, Ключникова и проч., объявленных «Литературною библиотекой»^[10]. Салтыкова – литературного критика и рецензента – в первую очередь интересовали, таким образом, произведения, которые следовало подвергнуть сатирическому осмеянию: плоды так называемого «антинигилистического» направления. (Образец сатирического разбора антинигилистического романа был им дан еще в мартовской хронике «Нашей обще-

ственной жизни» за 1864 г. – тогда его объектом стал роман Ключникова «Марево» – см. т. 6 наст. изд., стр. 315–321.)

Уже первая рецензия Салтыкова в «Отечественных записках», в которой в качестве объекта осмеяния и пародирования были избраны повести Авенариуса, показывает, что именно таково было его намерение.

Однако собственно антинигилистической тенденции писаний Авенариуса – попытки связать «поветрие» аморализма, половой распущенности с революционными идеями – Салтыков в своей рецензии не касается. Он просто указывает, что, как мыслитель, Авенариус «принадлежит к партии так называемых клубницистов, нередко, впрочем, именующих себя столпами и консерваторами». Этой рецензией Салтыков начинает анализ «клубницизма» как общественного явления (подробнее см. в прим. к статье «Новаторы особого рода»).

Принципиальный интерес в настоящей рецензии представляет характеристика художественной стороны авенариусовских повестей. «Бродящие силы» – «неслыханная агломерация слов», – утверждает Салтыков, связывая Авенариуса по самому способу творчества с «новейшей французской литературой», имея в виду, вероятнее всего, первые шаги направления, получившего название натурализма. «Творческий метод» натурализма описывается Салтыковым следующим образом: «...нужно только сесть у окошка и пристально глядеть на улицу. Прошел по улице франт в клетчатых

штанах – записать» и т. д. Интересно, что почти так же, разумеется без сатирической утрировки, описан метод натурализма в «Дневнике» бр. Гонкур, в записи, сделанной в 1865 г., когда появился программный для направления роман бр. Гонкур «Жермини Ласертэ» («Дневник» был опубликован лишь в 70-х годах): «...лучшим литературным образованием для писателя было бы <...> пассивно записывать все, что он видит, что он чувствует, и по возможности забыть все прочитанное»². Салтыков очень внимательно следил за политической и литературной жизнью Франции. Поэтому ему, конечно, было известно творчество Флобера и бр. Гонкур (впоследствии он познакомился с ними и лично). О Флобере именно как о писателе-натуралисте (без употребления этого термина) Салтыков упоминает в иронической рецензии на роман А. К. Толстого «Князь Серебряный» (см. т. 5 наст. изд., стр. 362). Через несколько лет, в «Культурных людях», а затем и в «За рубежом», он резко писал о «психологическом лганье» французских беллетристов школы Золя и бр. Гонкур. Таким образом, настоящая рецензия интересна, помимо прочего, и тем, что она открывает ряд выступлений Салтыкова против натурализма в 70–80-х годах.

² Э. и Ж. де Гонкур. Дневник, т. 1, М. 1964, стр. 486

Комментарии

1.

Г-н Авенариус писатель молодой... – Первое произведение В. П. Авенариуса – антинигилистическая повесть «Современная идиллия» (составившая вместе с продолжением ее, повестью «Поветрие», рецензируемую Салтыковым книгу) была напечатана в 1865 г.

2.

Клубницизм новейшего времени взрастил... Стебницкого... – Рецензию Салтыкова на «Повести, очерки и рассказы» М. Стебницкого (Н. С. Лескова) см. далее, стр. 335.

3.

...и сам г. Стебницкий... отзывается об нем с снисходительностью более нежели иронической. – Речь идет о статье-рецензии Н. С. Лескова «Литератор-красавец» («Литературная библиотека», 1867, т. IX, сентябрь, кн. I; без подписи; см. указанную статью в изд.: Н. С. Лесков Собр. соч. в 11-ти томах, т. 10, М. 1958). Лесков рецензировал повесть Авенариуса «Ты знаешь край».

4.

...разных Моничек, Наденек, Ластовых, Куницыных и проч. – персонажи «Бродящих сил».

5.

...новую нашу литературу обвиняют в недостатке творчества... – См. статью «Напрасные опасения» и прим. к ней.

6.

...вот как, например, у Крестовского... – Речь идет о романе Всев. Крестовского «Петербургские трущобы» (1864–1867), в котором, изображая жизнь петербургского преступного мира и «дна», автор использовал сюжетные ходы и ситуации французского авантюрно-социального романа, в частности, романа Эжена Сю «Парижские тайны».

7.

Г-н Погодин в своем «Путешествии за границей»... – в путевом дневнике «Год в чужих краях» (1843). «Незабвенным» это сочинение М. П. Погодина сделала блестящая пародия Герцена («Путевые записки Г. Ведрина»).

8.

Сказание о клубнике – пародия на ряд сюжетных положений и эпизодов «Бродящих сил».

9.

...доктор Хан – издатель журнала «Всемирный труд», в котором были напечатаны повести Авенариуса «Ты знаешь край» и «Поветрие».

10.

В журнале «Литературная библиотека» в 1867 г. были напечатаны драма М. Стебницкого (Лескова) «Расточитель» (см. о ней на стр. 550 наст. тома), роман В. Ключникова «Большие корабли» и др. На 1868 г. были объявлены: новый роман М. Стебницкого «Резонеры», новый роман Вс. Крестовского «Две силы», продолжение романа Я. Полонского «Признания Сергея Чалыгина», «Свежо предание...», роман-хроника из недавней истории петербургских нигилистов и заговорщиков, NN.